

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

КОНЦЕПЦИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ТЕОРИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ЛУКИН В.Н.,
МУСИЕНКО Т.В.

АННОТАЦИЯ

В статье раскрыты особенности трактовки концепции рациональности в рамках интегрированных теоретико-методологических подходов, определены тенденции развития теории рационального выбора, теории принятия решений, теории развития человека, теории социальных изменений. Показана востребованность трансдисциплинарных подходов к пониманию рациональности в условиях неопределенности и рисков глобального развития, в контексте проблем, связанных с масштабными социальными трансформациями и обеспечением безопасности человека.

Ключевые слова: рациональность; теория рационального выбора; теория социального выбора; теория принятия решений; концепция социальной справедливости.

THE CONCEPT OF RATIONALITY AND RATIONAL CHOICE THEORY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

LUKIN V.N.,
MUSIENKO T.V.

ABSTRACT

This article reveals the peculiarities of interpretation of the concept of rationality in the framework of integrated theoretical and methodological approaches, the development of Rational Choice Theory, Making Decision Theory, the Theory of Human Development, the Theory of Social Change. It shows the relevance of a trans-disciplinary approach to the understanding of rationality in conditions of uncertainty and risks for global development, in the context of the problems associated with large-scale social transformations and security of person.

Keywords: rationality; rational choice theory; social choice theory; making decision theory; concept of social justice.

В эпоху формирования современного информационного общества, в условиях неопределенности и рисков глобального развития востребованы интегрированные, трансдисциплинарные концептуальные подходы к переосмыслению проблем сущности и развития человека, его безопасности, социальной жизни и нравственного блага.

Стратегии противодействия вызовам глобализации предполагают создание эффективной системы управления и предотвращения рисков, основанной на современном научном знании. Целью функционирования институциональной системы управления рисками является достижение целей развития каждого человека на основе обеспечения таких значимых для каждого уни-

версальных ценностей, как безопасность (Security), свобода (Liberty), благосостояние (Welfare), справедливость (Justice) [1].

Разработка соответствующих стратегий управления процессами общественного развития в условиях неопределенности и риска предполагает разработку новых многоуровневых подходов к пониманию проблемы развития человека, включая и субстантивную рациональность как определенную обобщенную систему ценностей и стандартов, интегрированных в мировоззрение личности.

Процесс модификации подходов к концептуализации рациональности человека и роли ментальных процессов в социальном поведении достаточно динамичен. Влияние социологических трактовок, доминирование психологического подхода и его многообразных теоретических моделей традиционной, когнитивной, экспериенциальной и аксиологической теоретических перспектив в психологии частично лимитированы усиливающимся влиянием других теорий, включая теории, разрабатываемые в рамках микроэкономического подхода [2, С. 536].

Следует отметить, что российские ученые, оценивая вызовы (угрозы и риски), стоящие перед Россией, всеобщность процесса смены нравственно-этических ценностей в обществе, затрагивающей прежде всего микромир отдельного человека, подчеркивают необходимость обновления самого экономического подхода и преодоления кризиса рационалистической неолиберальной парадигмы, причиной которого стали односторонность идеи исключительной приоритетности принципа индивидуализма, ограничение анализа поведения человека преимущественно экономическими аспектами, и другие факторы.

Российскими исследователями обосновывается необходимость реализации междисциплинарного подхода как основы формирования и развития новой экономической теории, что предполагает включение в процесс ее разработки новых

принципов – постулатов смежных наук (этики, философии, социологии, психологии и других).

Обновление экономического подхода связывается с переходом в теоретических построениях от принципа индивидуализма к принципу скоординированности действий, прежде всего в исследовании проблематики принятия решений; использование в рамках анализа и моделирования антропостратегического метода и ограничение формализации научного анализа (Бочко В.С.).

Комплексный подход призван обеспечить, с одной стороны, отражение теорией реальных угроз и рисков современного контекста развития общества и человека на глобальном, региональном и микроуровнях. С другой стороны, интегративные теории должны развивать потенциал для разработки новых принципов социального, экономического и политического взаимодействия с учетом его социокультурных, нравственно-этических и морально-психологических сторон [3, С. 5,15].

К классу теорий развития человека, приобретающих сегодня определенную антропостратегическую и социоцентрическую направленность (разрабатываемых в рамках микроэкономического подхода), относятся теории рационального выбора и принятия решений.

Теория рационального выбора (Rational Choice Theory) и теория принятия решений (Theory of Making Decisions) в их стандартных классических вариантах фокусируют внимание преимущественно на проблеме рациональности действия с позиций принципов утилитаризма. Связанная с этим определенная односторонность данных теорий стала основанием для их критического переосмысления и потребовала разработки новых подходов к определению сферы применения теорий, переработки ряда положений и принципов, что способствует расширению дискуссии относительно философских подходов и оснований теории.

Даниел Хаусман (D. Hausman) подчеркивает, что разрабатываемые в рамках эконо-

номического подхода теории рационального выбора (Rational Choice Theories), теории формирования предпочтений (Theories of Preference Formation) нуждаются в дальнейшем развитии, прежде всего с учетом особенностей трактовки концепции предпочтений с позиций современных психологических теорий и философских рефлексий проблематики субъектного действия и его связи с нравственным выбором.

Характерно, что отмечая в целом конструктивность интерпретивного, прогностического и аналитического потенциала теории формирования предпочтений и ее модификаций, Хаусман подвергает критике односторонние взгляды на предпочтения в терминах сугубо рационального выбора и эгоистических интересов личности. Ориентируясь на необходимость расширения психологических и философских оснований теории, Хаусман полагает, что при построении моделей формирования предпочтений и процесса их изменения следует учитывать и когнитивные ориентации, прежде всего в аспекте разумности действия, и эмоциональные ориентации, а также ценности и нормы морали как важные факторы формирования предпочтений [4].

Вместе с тем, при всем критическом отношении к ней, основанная на микроэкономическом подходе теория рационального выбора неизменно остается объектом внимания исследователей. Соответствующие идеи и концепты интегрируются в комплексные теоретико-методологические модели в рамках различных научных дисциплин, что придает теории в какой-то мере междисциплинарный статус.

Востребованность теории объясняется ее возможностями в интерпретации проблемы рационального выбора и принятия решения в условиях неопределенности и риска, характерных для современного общества. Определение структуры и стратегии самого процесса формирования суждения, рационального выбора и принятия человеком рационального решения при

неопределенности является объектом исследования в рамках психологического подхода.

Редом Хасти (Reid Hastie) и Робин Дاونсом (Robyn M. Dawes) рассмотрена одна из таких стратегий, включающая компонент вынесения суждения (Fundamental judgment strategy) и компонент оценки последствий принимаемого решения (Evaluating consequences) [5].

Перспективной линией развития данного подхода предстает ориентация на обоснование приемлемой стратегии его применения не только на микро-уровне (психологический, микроэкономический подходы), но и с учетом макроуровневых процессов как контекстуального фактора субъектного действия, осуществляемого на основе рационального выбора и решения.

Так, Кен Бинмор, оценивая различные философские взгляды, относящиеся к природе вероятности [6, Р. 1–22, 36, 60–75, 137–149], предлагает расширить за пределы микроуровня сферу применения Байесовского подхода и соответствующей теории принятия решений, на которые опирался Леонард Сэвидж, и ориентируются сегодня многие сторонники идеи рациональности принимаемых человеком решений [6, Р. 116–134, 137–154, 163–175].

Высказанная Бинмором идея о разработке смешанных стратегий («muddled» strategies) [6, Р. 169], а также соответствующие предложения по их применению в теории игр, подтверждают его приверженность интегративной модели развития теории как модифицированного варианта стандартной теории принятия рационального решения. В модели Бинмора учтены возможности использования такого подхода для анализа рационального характера принимаемых решений в условиях риска [6, Р. 35–60].

Спектр современной проблематики и ведущие направления исследований, проводимых в последние тридцать лет в рамках теорий принятия решений и рационального выбора, впервые обобщены

в фундаментальном справочном издании, вышедшем под редакцией Пола Ананда и его коллег [7].

В группе *теорий полезности, рациональности и принятия решений* (Utility Theory, Rationality Theory and Decision Making Theory), основанных на классических принципах утилитаризма, выделена теория ожидаемой полезности (Expected Utility Theory) и соответствующая проблематика: неожиданная полезность (Non-Expected Utility), ранг-зависимая полезность (Rank-Dependent Utility), нормативный статус принципа независимости (The Normative Status of the Independence Principle), новый взгляд на рациональность интранзитивных предпочтений (Rationality of Intransitive Preference), полезность, определяемая государственными интересами (State-Dependent Utility) и другие аспекты [7, P. 21–69, 69 – 90, 140–173, 222 –239].

Вместе с тем, условия развития современного общества стали основой для достаточно очевидной смены приоритетов и исходных оснований теорий рациональности. Перспективы развития этого теоретического подхода определяются не столько принципами утилитаризма, лежащими в основе моделей теории полезности, сколько идеями общего благосостояния и благополучия (Welfare).

Ориентир на преодоление ограниченности утилитаризма как этической основы социального действия, не отвечающей современному контексту, находит отражение в тематике перспективных исследований и формировании соответствующих концептуальных подходов, в числе которых: аксиома проблемы последствий выбора или их отсутствия, разрабатываемая в рамках консеквенциализма и нон-консеквенциализма (Consequentialism and Non-Consequentialism: The Axiomatic Approach), проблема свободы выбора (Freedom of Choice), проблема ответственности (Responsibility), проблема равенства и выбора приоритетов (Equality and Priority), проблема справедливости (Justice), в том числе дистрибутивной спра-

ведливости (Distributive Justice), возможность выбора и способность делать выбор (The Capabilities) [7, P. 346–374, 374–393, 393–411, 411–433, 433–457, 501–524, 542–567].

Происходят существенные трансформации в понимании рациональности современного человека, ее этических оснований и преимущественно социальной, а не исключительно индивидуальной ориентированности в выборе и принимаемых человеком решениях. Соответственно, формируется новая, потенциально перспективная группа *теорий социального выбора и благополучия* (Social Choice Theory and Welfare), способных составить альтернативу традиционным теориям рационального выбора (Rational Choice Theory).

Характерно, что не только сохраняется, но и расширяет сферу своего влияния линия на трансдисциплинарную интеграцию концептуальных посылок теории рационального выбора, например, применительно к осмыслению проблемы эволюции человека и развития его социальной природы. Исследователи в области философии науки, эволюционной биологии, экономики, психологии, социологии, рассматривают связь между эволюцией человека и его рациональностью в различных контекстах, включая ситуацию рационального выбора и выбора соответствующей стратегии принятия решения в условиях неопределенности и риска, а также проблематику просоциальной направленности эволюции человека [8].

Новое фундаментальное справочное издание, обобщающее тенденции развития теории рационального выбора и проводимых на основе данного подхода прикладных исследований, определило в качестве основного вектора развития теории научный анализ преимущественно социальной основы рационального выбора, что выносит классическую идею индивидуального утилитаризма как генетического основания теории рационального выбора на периферию научного поиска [9].

Социальная направленность определяет сегодня практически все пространство научной проблематики исследований рациональности выбора и принятия решений. К перспективным направлениям исследования отнесены следующие: рациональность, социальные предпочтения и стратегии принятия решений в микроуровневых исследованиях поведения (Rationality, social preferences and strategic decision-making); социальная рациональность, саморегуляция и благополучие с точки зрения рассмотрения потребностей, целей и собственно личности как основных регуляторов социально-ориентированного рационального выбора (Social rationality, self-regulation and well-being), доверие как одна из социальных дилемм и предмет исследования рациональности выбора (Rational choice research on social dilemmas: embeddedness effects on trust), моделирование стратегий принятия коллективного решения (Collective decision making), социальный обмен, власть и неравенство социальных сетей (Social exchange, power and inequality in networks), социальный капитал (Social capital), динамика социальных сетей (Network dynamics), ассимиляция как рациональное действие в контекстах, определяемых институтами и ограничениями (Rational action in contexts), рациональный выбор и изменения организации (Rational choice and organizational change).

Остается значимым, более того усилен акцент применения теории рационального выбора к анализу проблем, связанных с неопределенностью и риском, что находит выражение в актуализации научного анализа рисков терроризма как глобальной проблемы современного развития, рисков военной угрозы и роли государства как актора, обеспечивающего организацию и управление рисками [9].

Потенциал и ограничения основных концептуальных моделей, теоретических посылок, допущений и методологии теории рационального выбора как микроу-

ровневой в своей основе теории, по-прежнему обсуждаются и в политической науке в рамках определения перспектив развития неинституционального подхода и соответствующего направления политического анализа рациональности политического действия [10, 11].

В политической науке также отмечен тренд к актуализации социальной составляющей рационального выбора. Джо Оппенгеймер указывает, что новый подход реализуется в исследованиях, ориентированных на разработку проблематики социальной справедливости (Social justice) как глобальной проблемы современного развития и рисков, сопряженных с нарушением ее принципов. Вполне логично, что в основе таких исследований – интегративные модели и методологии, включающие концепции и принципы теории рационального выбора и теории социальной справедливости: концепции социального благополучия и благосостояния (Social welfare), коллективного действия (Collective action), альтруизма (Altruism), связи и учета интересов других людей (Other-regardingness), дистрибутивной справедливости (Distributive justice) и других [12].

Характерным примером соединения на базе политико-культурологического подхода концептуальных положений экономических и психологических теорий развития человека возможно рассматривать интегративную концепцию развития личности Уэлзела–Инглехарта–Клингемана, ставшую основой соответствующей теории и стратегии социальных изменений (Concept of Human Development = C–HD) [13, 14, 15].

Составляющими интегративной теории являются теория изменения ценностей (Theory of Value Change), теория рационального выбора (Rational Choice Theory), теория демократии (Democracy Theory), теория развития личности, основные положения которых адаптированы и инкорпорированы в интегративную теорию развития личности как основу общей теории социальных изменений.

Теория социальных изменений как условия развития личности представлена тремя основными концептуальными компонентами.

Первый компонент – концепция социально-экономического развития (Socioeconomic Development) как фактора, способствующего расширению возможностей выбора за счет обеспечения граждан соответствующими индивидуальными ресурсами (Individual Resources).

Второй компонент – концепция изменения культуры, которое выражается в перемещении акцента на ценности самовыражения (Self-Expression Values), способствующие формированию у людей установок на приоритет личного автономного выбора.

Третий компонент – концепция демократизации как процесса, обеспечивающего гражданам эффективную систему политических прав (Effective Rights), гарантирующих законность индивидуального выбора форм участия в сфере политики.

Все три компонента имеют общим концептуальным основанием проблему расширения возможностей индивидуального выбора.

Таким образом, компоненты концепции С–НД представлены в рассматриваемой теории формулой: *индивидуальные ресурсы – ценности самовыражения – эффективные права*. Индивидуальным ресурсам соответствуют *средства* их реализации. Ценности самовыражения структурируют *мотивы* индивидуального выбора. Институционализированные права обеспечивают *правила* и рамки его реализации. Процессы социально-экономического развития, изменения культурных ориентаций и демократизация способствуют распространению компонентов С–НД с индивидуального уровня до структурных уровней группы – общества – культурных зон.

Согласно теории Уэлзела–Инглехарта–Клингеманна, прогресс любого из указанных трех аспектов развития личности расширяет возможности общественного развития, поскольку позволяет людям реализовывать

свой личностный потенциал и способствовать развитию творческой активности.

В то же время, теорией не исключается реверсивное развитие. Отрицая линейность исследуемых процессов как развития в направлении сугубо прогрессивных изменений, авторы теории указывают на возможность движения общества как по пути прогресса, способствующего расширению возможностей индивидуального выбора, так и в направлении регресса, когда происходит ограничение этого выбора.

В соответствии с логикой интегративной теории социальных изменений, характер связей между средствами и мотивами личности определяет в конечном счете реализацию выбора либо в пользу ценностей выживания и безопасности, либо – ценностей самовыражения. Функционирование системы ценностных ориентаций отражает степень ограничений, устанавливаемых социальными условиями в отношении автономии личности и ее свободы выбора. Человеку свойственно приспосабливать, адаптировать свои потребности к существующим ограничениям, что диктуется необходимостью выживания (Survival) и потребностью в экзистенциальной безопасности (Existential Security).

Таким образом, для интегративной теории социальных изменений характерна методология, соединяющая в единое интегрированное целое элементы структурно-функционального, психологического, культурологического и институционального подходов. Данная методология лежит в основе осуществленного теоретического синтеза элементов теории модернизации, теории политической культуры, теории рационального выбора, психологической теории развития личности, теории изменения ценностей, теории демократии и других.

Согласно интегративной теории Уэлзела–Инглехарта–Клингеманна, процессы социально-экономического развития, изменения ценностей и демократизации конституируют определенный синдром прогрессивных социальных изменений.

Социальноэкономическое развитие способствует расширению сферы выбора человеком форм своей реализации, поскольку результатом повышения уровня социальноэкономического развития является увеличение ресурсов индивидуального потенциала каждого человека.

Изменения в системе культурных ценностных ориентаций определяют в качестве общественного приоритета ценности самовыражения, которые в свою очередь, усиливают потребность общества в установлении институциональной базы, гарантирующей возможности автономного индивидуального выбора.

Соответствующие этим процессам институциональные изменения в направлении создания эффективной демократии также расширяют возможности выбора человеком форм реализации своего потенциала [13].

Принципиальным в контексте акцента на индивидуальности выбора личностной стратегии развития как исходной точки многоуровневых процессов трансформации представляется положение интегративной теории социальных изменений о роли культурных зон в процессе развития личности [15].

Выдвигается тезис о взаимовлиянии этих движущих сил социальных изменений: «...диффузные эффекты культурных зон обуславливают особенности процесса развития человека, которые становятся очевидными именно на кросскультурном уровне: уровень развития человека определяется на кросснациональном уровне, поскольку этот процесс осуществляется в рамках культурных зон, которые интегрируют нации в однородные образования» [13, Р. 35], структурирующие специфику процессов индивидуального и общественного развития в соответствии с ограничениями и рамками конкретных культур.

Оценивая риски современной России, российские исследователи (М. Делягин, Г. Нурышев и другие) определяют геокультуру России как геополитику справедливости, подчеркивая, что социальная спра-

ведливость, базирующаяся на симбиозе личности и государства, является особенностью русской культуры, поэтому двигать русскую цивилизацию может только надличностная идея, идея общего блага. [16, С. 152, 153].

Ориентир на замещение идеи социальной справедливости идеей исключительно рационального индивидуализма и утилитаризма не только не совпадает с природой отечественной культуры и ментальности, но и является установкой на движение в прошлое, которое преодолевается обществами с современным вектором развития в направлении гармонизации общественных отношений, что и находит выражение в содержании теоретической рефлексии, характерной для большей части перспективных научных подходов, разрабатываемых сегодня учеными и научными коллективами различных стран мира.

Список литературы

1. Лукин В.Н. Глобализация и международный терроризм: политический анализ рисков и стратегий обеспечения безопасности. – СПб.: Наука, 2006. – 496 с.
2. Мусиенко Т.В. Микрополитика в современном мире. – СПб: Наука, 2003. – 698 с.
3. Бочко В.С. Кризис основного течения современной экономической теории: содержание и следствия // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2012. – N 2 (40). – С. 5–15.
4. Hausman D. Preference, Value, Choice, and Welfare. – New York: Cambridge University Press, 2012. – 153 p.
5. Rational Choice in an Uncertain World: the Psychology of Judgment and Decision Making / Reid Hastie, Robyn M. Dawes. 2nd ed. Los Angeles: SAGE, 2010. – 374 p.
6. Binmore K. Rational Decisions. – Princeton: Princeton University Press, 2009. 200 p.
7. The Handbook of Rational and Social Choice: an Overview of New Foundations and Applications / edited by Paul Anand, Prasanta

K. Pattanaik and Clemens Puppe. Oxford; New York: Oxford University Press, 2009. – 581 p.

8. Evolution and Rationality: Decisions, Cooperation and Strategic Behaviour / edited by Samir Okasha and Ken Binmore. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 281 p.

9. The Handbook of Rational Choice Social Research / edited by Rafael Wittek, Tom A.B. Snijders, and Victor Nee. Stanford, California: Stanford Social Sciences, an imprint of Stanford University Press, 2013.

10. Eriksson L. Rational Choice Theory: Potential and Limits. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2011. – 284 p.

11. Clements P. Rawlsian Political Analysis: Rethinking the Microfoundations of Social Science. – Ind.: University of Notre Dame Press, 2012. – 231 p.

12. Oppenheimer D. Principles of Politics : a Rational Choice Theory Guide to Politics and Social Justice – Cambridge:

Cambridge University Press, 2012. – 278 p.

13. Welzel Ch., Inglehart R., Klingemann H.-D. Human Development as a Theory of Social Change // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://wvs.isr.umich.edu>. P. 1–37. (дата обращения: 30.09.2005).

14. Modernization, Cultural Change, and Democracy: the Human Development Sequence / Ronald Inglehart, Christian Welzel. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2005. – 333 p.

15. Changing Human Beliefs and Values, 1981–2007: a Cross-Cultural Sourcebook based on the World Values Surveys and European Values Studies / edited by Ronald Inglehart ... [et al]. 1st ed. D.F.: Siglo Veintiuno Editores, 2010. – 262 p.

16. Нурышев Г.Н. Современная геополитика: актуальные направления и концепции. – СПб.: СПбГИЭУ, 2012. – 265 с.